

В своем прекрасном исследовании «Петербург и петербургский текст русской литературы» В. Н. Топоров замечает, что есть несколько способов понимания («членения») пространства. Есть профанический, обычный, служащий для нормального передвижения либо для сравнительных характеристик («хуже–лучше», «цивилизованный–варварский» и т. д.). И есть сакральный взгляд на пространство, когда оно оказывается единственным в своем роде, его не с чем более сравнивать, потому что в этом месте либо рождаются, либо прирастают к нему, либо собираются умирать, и тогда к нему не применимы обычные мерки и оценки.

В соответствии с этим суждением в описаниях чужого культурного пространства могут проявить-

¹Профессор кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук.

В. А. Серкова¹

ПЕТЕРБУРГ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

ся две противоположные тенденции. В одном случае сохраняется «гений места», воспроизводится уникальность и необходимость культурного пространства. В другом — в качестве меры характеризую-мому предмету навязывается нечто несообразное и несомасштабное ему. Несοοобразность эта состоит как раз в том, что не соблюдается «чистота стиля» и не различаются профанические и сакральные свойства предмета описания.

Проиллюстрировать этот тезис мы попытаемся, опираясь на два контрастных описания Санкт-Петербурга, которые принадлежат современникам. Одно — плод путешествия одного из самых известных и скандальных авторов XIX столетия Астольфа де Кюстина — «Россия в 1839 году». Второе принадлежит перу одного из самых изысканных авторов французской прозы — Теофиля Готье. Знаменитый французский путешественник

маркиз де Кюстин сделал себе имя во французской литературе, публикуя отчеты о своих странствиях. Он посетил в России Петербург, затем направился в Москву, Ярославль, Нижний Новгород, Владимир и, наконец, отбыл восвояси со словами: «Это — поездка, полезная всякому иноземцу: кто хорошо ознакомится с этой страной, тот будет доволен жизнью во всяком другом месте». Из этого высказывания становится понятно, что надежды российских правящих кругов на лестный отзыв о стране не оправдались. И действительно, трудно вообразить себе что-либо более пронизательное, зоркое, острое, беспощадное, недружелюбное и вместе с тем более безблагодатное, чем книга де Кюстина о его русских странствиях. Она вышла в свет в 1843 г. во Франции, русский перевод появился впервые только в 1910 г. Мы не будем разбирать идеи де Кюстина ни относительно политического строя в России, ни относительно русского национального характера. В его впечатлениях о России нас будет интересовать только одна сторона — восприятие путешественником русского природного и архитектурного ландшафта, включающее как понимание архитек-

турного произведения, так и «чувство» основания, почвы, на которой архитектура произрастает.

Теофиль Готье творил в золотой век французской литературы. Деятнадцатое столетие называли то веком метафизики, то веком литературы, что по существу верно, но, если писатель хотел быть еще и философом, ему требовалось немало усилий, чтобы это не отразилось на качестве его творений, — излишняя философичность могла мигом обернуться схематичностью, сухостью и неживописностью языка.

Как удалось Теофилю Готье передать фантастический образ живого, переливающегося красками города, в котором как будто еще не завершен процесс стихиеобразования и не закончился первый день творения? Почему его описания Петербурга конгениальны первоисточнику? Фантастический элемент Петербурга хоть и лежит на поверхности, но требует особой дисциплины языка, чтобы не казаться романтическим преувеличением или поэтической выдумкой, не имеющей реалистических оснований. Город Готье похож на себя, узнаваем и реален той непридуманной сутью, которую можно прозреть только «умным видением», как говорили древние греки.